

И. С. ГАЛКИН (Йошкар-Ола)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОНТАКТИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВ

О языковых контактах и связанных с ними проблемах написано немало исследований, в которых наряду с узкоспециальными вопросами рассматриваются и различные проблемы общелингвистического порядка. Предлагаемая статья посвящена анализу некоторых явлений марийского языка, возникших в результате его контактирования с другими языками.

Известно, что марийцы волей исторической судьбы оказались на весьма живой артерии Восточной Европы — Волге и ее притоках Оке, Ветлуге и Вятке, где с далеких времен происходили большие передвижения племен и народностей; они контактировали с носителями различных языков — индоиранских и тюрко-монгольских, славянских и финно-угорских.

Несомненно, что контакты были разными по интенсивности и продолжительности, поэтому не одинаковы и отражения их в контактировавших языках: следы связи с одними сохранились лишь в единичных лексических заимствованиях (иранские), с другими — пронизывают всю структуру языка (тюркские и русский).

Длительные языковые контакты в пределах определенного географического ареала, тем более ограниченного, как известно, нередко приводят к конвергентному развитию контактирующих языков, т. е. к структурному схождению их.

Казалось бы, в языках Поволжья подобное явление следовало ожидать очень широко. Однако здесь мы имеем дело скорее всего с заимствованиями в области лексики и усвоением некоторых типологических моделей. Правда, А. М. Рот в традиционное понимание о заимствованиях (в данном случае речь идет о лексических заимствованиях) вносит некоторые коррективы. Заимствованиями в собственном смысле слова он считает только те лексические единицы, которые проникают вместе с реалиями, с обозначающими понятиями, когда новая лексическая единица занимает пустую клетку в семантической системе заимствующего языка или, как он называет, языка-рецептора. Заимствования же новых названий, которые становятся синонимами «старых», уже существующих в заимствующем языке, он предлагает именовать лексическими проникновениями.¹ Последние усваиваются заимствующим языком в ходе борьбы «новой» единицы со «старой», исконной лексемой. В результате изменяется качество семантической структуры исконной лексемы или она полностью исчезает.

¹ А. М. Рот, Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Будапешт, 1973, стр. 24.

Нам кажется, в делении иноязычных слов на заимствования и проникновения с точки зрения языковой теории есть определенный смысл, ибо это дает возможность более четко разграничить собственно заимствования, т. е. приобретение одним языком отсутствующей в его арсенале лексемы у другого языка, от заимствований (как вообще их сейчас еще называют) на место уже имеющихся в языке лексем.

Однако трудно согласиться с А. М. Ротом в определении самой исконной лексики, когда он видит в ней как наследие праязыка, так и заимствования и проникновения. Заимствования, в том числе и проникновения, в разряд исконной лексики вряд ли относимы, так как они останутся заимствованиями независимо от того, заимствованы они в далеком прошлом или недавно.

К исконной следует относить, очевидно, и ту часть лексики, которая возникает в условиях смешения близкородственных диалектов, когда они не достигли, говоря словами Б. А. Серебренникова, т. н. порога интеграции.²

В процессе взаимодействия языков наступает такой период, когда исконные и вновь возникшие элементы начинают функционировать параллельно на равных правах, порой сливаясь воедино или вытесняя друг друга. В этом случае происходит т. н. языковое проникновение: иноязычный элемент начинает конкурировать с исконным и занимает его место. Ср. мар. *шоло* — *вор*, слово *шоло* вытеснено рус. *вор*.

Если подобные проникновения, занимающие места уже имеющихся в языке элементов (лексем, морфем, форм и т. д.), будут преобладать в одном из взаимодействующих языков, может, по-видимому, произойти смена одного языка другим.

Но прежде чем иноязычные элементы начнут преобладать в одном из взаимодействующих языков, наступает период как бы равновесия: в лексике это выражается в том, что к лексеме первого языка присоединяется лексема второго, которая начинает расшатывать единство понятия и лексемы первого языка. Это дает возможность для выражения одного и того же понятия использовать ассоциативно либо лексему родного языка, либо неродного. Так, марийцам ряда районов МАССР совершенно безразлично — сказать *тау* или *насибе*, поэтому нередко в разговоре можно услышать или то, или другое слово независимо от ситуации.

Марийский язык на большей части территории Марийской АССР и смежных областей, за исключением Башкирии (там преобладает татаро-башкирское взаимодействие), переживает как раз такой период контактирования с русским языком, когда лексика последнего активно проникает в марийский язык и часто сосуществует с его лексикой, подвергаясь лишь некоторому фонетическому и грамматическому видоизменению, например: *кўнчаш* — *копаяш*; *канаш* — *отдыхаяш*, *шупшыкташ* — *возитлаш*, *эскераш* — *наблюдаяш*; *сравоч* — *ключ*, *кõгõн* — *замок*, *тупыраш* — *потолок*, *куро* — *корма*, *монча* — *баня* и т. д. В речи молодого поколения такое явление обычно. Оно, видимо, возникает вследствие стремления билингва при разговоре с собеседником — носителем второго языка — сделать свою речь более понятной.

Затем иноязычная лексема распространяется на общую массу носителей первого языка и превращается в закономерное явление уже при разговоре билингвов между собой. Таким образом, как нам кажется, идет расшатывание единства понятия и лексемы родного языка. При чем в качестве последней могут выступать и заимствованные когда-то, но уже успевшие стать родными для билингва лексемы другого языка,

² Б. А. Серебренников, Вероятностные обоснования в компаративистике, Москва 1974, стр. 334.

ранее взаимодействовавшего с родным. В марийском языке таковыми являются, например, лексемы тюркского, иранского происхождения, ср. *бане* — *монча* (чув. *монча*, тат. *мунча*); *сабля* — *керде* (иран. *кард* 'нож, сабля', курд. *kêrd* 'нож', тохар. *kerte* 'меч') (В. И. Аб аев, Историко-этимологический словарь осетинского языка I, Москва—Ленинград 1958, стр. 571).

В большинстве случаев синонимичная иноязычная лексема, расширяя единство понятия и лексемы родного языка билингва, отрывает лексему родного языка от обозначаемого ею понятия, отталкивает на периферию, а затем занимает ее место. Тем самым лексема родного языка билингва отходит на второй план и может выйти из употребления. Таких примеров можно обнаружить достаточно в любом языке, если сохранились более или менее древние письменные памятники его. Так, в письменных памятниках марийского языка мы обнаруживаем слова *пекра-кол* 'осетр' (Г. Миллер, Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, Санкт-Петербург 1791); *цапкынь* 'почтарь', *тюмень* 'миллион' (Сочинения, принадлежащая к грамматикѣ черемисского языка, Санкт-Петербург 1775) при современном *осетр*, *почтальон*, *миллион*.

Иногда исконная лексема может сливаться с той же лексемой неродного языка. Ср. горн. *пӱэргӱ* 'мужчина, парень'. Этимологически это сложное слово, состоящее из ф.-у. **ri* 'мужчина, парень' (удм. *пи* 'мальчик, парень', фин. *poika*, эст. *poeg* 'сын', *poiss* 'мальчик, парень', манс. *piig*, венг. *fiú* 'мальчик, парень') и тюрк. *еркек* 'мужчина, самец', (ср. к.-калп. *еркек адам* 'мужчина', кирг. *еркек бала* 'мальчик' и т. д.). Слово *ийдалык* 'год', состоящее из двух некогда самостоятельных и совершенно равнозначных для марийского языка слов *ий* 'год' + *талук* 'год', которые, между прочим, в диалектах самостоятельно употребляются и сейчас. Их этимологии: *ий* финно-угорского происхождения (фин. *ikä* 'век, возраст', морд. *ие*, венг. *év*, саам. *jikke* 'год'); *талук* — чувашское заимствование: чув. *талӑк* 'сутки'. В последнем наблюдается расширение семантики на почве марийского языка.

Сливаться могут и синонимичные слова близкородственных диалектов, например, в слове *умиша, шума* 'рот', состоящем из двух компонентов. Оба относятся к финно-угорской лексике, ср. перм. *ым*, приб.-фин. *сии* 'рот'. По-видимому, слияние их в одно слово произошло на ранней стадии образования марийского языка, когда предки марийцев и пермяков говорили на родственных диалектах большей языковой общности.

Могут сливаться даже иноязычные синонимичные слова, например, диал. *шӱжӧр* 'молоко' в марийском языке этимологически состоит из *шӱ* 'молоко' монгольского происхождения, ср. монг. *сү* 'молоко', и *шӧр* 'молоко' иранского происхождения; ср. перс., курд., тадж. *шир* 'молоко'. Появление *ӧ* вместо иран. *и* легко объяснить лабиальной гармонией гласных.

В словах типа *пӱэргӱ* 'мужчина, парень', *шӱжӧр* 'молоко' компоненты сложного слова в современном марийском языке так сообразовались, что самостоятельное употребление лишает их всякого смысла. Нельзя, например, сказать *шӱ* 'молоко', хотя и есть слово *шӧр* 'молоко' в других диалектах, ибо никто из представителей волжского говора не поймет его значения без компонента *шӧр*.

Однако большинство подобных сложных слов еще позволяют употреблять их компоненты отдельно; например, можно сказать *вий-куат* 'сила, мощь' и *вий* или *куат* то же, *ушакыл* 'разум, ум', и *уш* или *акыл* то же. В таких случаях, очевидно, проявляется хронология их возникновения: слова, компоненты которых неотделимы, более древние по своему сложению.

Иногда синонимичные слова, еще не успевшие слиться в одно целое или не вытеснившие одно другое, могут употребляться параллельно: ср. мар. *tau* — *пасибе* — *ракмат* 'спасибо' (мар. *tau* 'спасибо', *пасибо* и тат. *рэхмэт* то же).

Проникновение синонимичных элементов обнаруживается и в синтаксисе, например, в разговорной речи мари в сложном предложении с условным придаточным, как правило, употребляются сразу два союза рус. *если* и мар. *гын* 'если': *Если тый чодыраш кает гын, мыят каел* 'Если ты пойдешь в лес, то и я пойду'.

Итак, в процессе взаимодействия в одном из взаимодействующих языков возникает такой период, когда собственные и несобственные элементы (иногда и несобственные, но ставшие ими) языка начинают функционировать параллельно. В дальнейшем параллельно существовавший собственный языковой элемент уступает место своему сопернику или продолжает существовать, тесно спаявшись с последним в единое целое.

I. S. GALKIN (Joškar-Ola)

EINIGE FRAGEN DER SPRACHKONTAKTE

1. Das Problem des sprachlichen Kontakts ist sehr mannigfaltig: es ist mit den Problemen des Bilinguismus, der Vielsprachigkeit, der Durchdringung verschiedener Ebenen der Sprache, der linguistischen Interferenz u. a. verbunden.

2. Die marische Sprache kam im Laufe einer geschichtlichen Periode dank der historischen Bedingungen des Wolgagebietvolkes mit verschiedenen Sprachen in Berührung. Spuren dieser Berührung lassen sich in allen Ebenen der Sprache bemerken.

3. Im Prozeß der Wechselwirkung entsteht in einer der kontaktierenden Sprachen eine Periode, in der eigene und entlehnte Spracheinheiten parallel zu existieren beginnen. Das tritt in erster Linie in der Lexik und Syntax, d. h. in den beweglichsten Sprachkategorien zutage, die eng mit dem Denkprozeß verbunden sind.

4. Im Verlaufe der historischen Entwicklung differenziert sich eine der parallel bestehenden Spracheinheiten oder beginnen beide selbständig zu existieren.